

Константин Станюкович

Из-за пустяков

Константин Михайлович Станюкович
Из-за пустяков
Серия ««Морские рассказы»»

Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165659

*К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1.: Правда;
Москва; 1977*

Содержание

I	4
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Михайлович Станюкович ИЗ-ЗА ПУСТЯКОВ

I

Вдова подполковника, более известная, впрочем, в Коломне под именем полковницы, Марья Ивановна Кропотова, бодрая, деятельная, подвижная дама, с вечно сбитым набок черным чепцом, попеременно прикрывавшим одну половину сильно поседевших, некогда темных волос, здоровая, высокая и прямая, несмотря на пятьдесят четыре года, которые она с честью носила на своих широких плечах, стойко и храбро выдерживая житейские невзгоды, – вот эта-то почтенная дама только что, как она выражалась, «пришла в себя» после обычных хозяйственных забот, волнений и мелких дрызг утра.

Отпустив подростка-дочь в гимназию, а сына на должность, она, по обыкновению, вдосталь накопилась в рынке, обнаруживая неизменный ужас, обратившийся в привычку, при объявлении цен провизии, волновалась, выбирая огузок, корила торговцев, спокойно слушавших ее обычные философско-экономические соображения, пересыпанные энерги-

ческими приветствиями – следами прежнего близкого знакомства с лагерной жизнью в качестве офицерской жены, – и торговалась до остервенения, мужественно отстаивая каждую копейку, стараясь выгадать лишний кочанок капусты, лишний пяток картофелин. И когда ей это удавалось – что бывало довольно часто, – она шла домой, мимо лавок, имея позади себя кухарку с корзиной на руках, а впереди мохнатую собачонку «Буяшку», торжествующая, с раскрасневшимся лицом и пересохшим горлом, в съехавшей на сторону шляпке и порыжелой тальме, словно полководец, возвращающийся после одержанной кровопролитной битвы, сопровождаемая почтительными приветствиями торговцев Литовского рынка, видевших неизменно каждое утро, вот уж пятнадцать лет, Марью Ивановну, которую остроумие рынка давно уже окрестило «генерал-полковницей».

Дорогой Марья Ивановна давала краткие указания насчет жаркого и кисленького соуса и, возвратившись домой, в Прядильный переулок, немедленно принималась за дела. В течение сегодняшнего утра она успела, конечно, несколько раз поссориться и примириться с кухаркой, пожурить дворника за дрова, знакомую селедочницу за подлые селедки, и придать своей маленькой квартирке тот вид образцового порядка и чистоты, которым она по справедливости гордилась. Наконец после педантической «уборки», после залезания со щеткой во все недосыгаемые для других углы, где могла быть паутина, после генерального осмотра «детского белья» (о

своём она не заботилась) – осмотра, заставлявшего ее не раз застывать перед какой-нибудь дырявой сорочкой или иной принадлежностью белья, приходившей в разрушение, – в позе Наполеона во время Аркольской битвы ¹ или Архимеда, углубленного в решение задачи, – она наконец в первом часу дня, утомленная и разбитая, несколько успокоилась, поправила чепец, привела себя в более приличный вид и почувствовала потребность выпить чашку кофе.

Три комнаты ее квартиры, с перемытыми цветами на окнах, кисейными занавесками, чижиком и канарейкой, с чистенькой мебелью, сияли, как стеклышко; кухня с сверкавшей на солнце медной посудой, расставленной по ранжиру на полках, с выскобленными добела двумя кухонными столами, не оставляла желать лучшего и ни одним своим углом не оскорбляла взыскательного и зоркого взгляда хозяйки; требовавшее ремонта белье сложено отдельно и план действия относительно него составлен. Все и везде блистало порядком, сверкало чистотой. Чижик и канарейка заливались вперевой. Буяшка, после дарового завтрака в мясной, сладко спал в своей корзине, свернувшись мохнатым клубком; и Марья Ивановна, с сознанием исполненного долга и с чувством утомления во всех членах, считала возможным наконец «придти в себя» и присесть за чашку кофе в своей

¹ *Аркольская битва.* – Арколе – селение в Северной Италии на левом берегу реки Альпоне, где во время Итальянского похода Бонапарта в 1796–1797 гг. произошли бои между французской и австрийской армиями.

маленькой, загроможденной разнокалиберной мебелью комнатке, которую дети и близкие знакомые не без некоторого основания звали «музеем редкостей».

В самом деле, чего только не было в разных ящиках, бесчисленных шкатулках и коробочках, аккуратно расставленных на старомодном туалете красного дерева, к которому подходил всякий нуждающийся в пуговице, костяшке, ленте! Начиная с кульмского креста ² и медали двенадцатого года – единственного, кажется, наследства, доставшегося полковнице после смерти ее родителя – и кончая машинкой от галстука и заржавевшей пряжкой от жилета, – все годные и негодные в хозяйстве предметы можно было бы найти в каком-нибудь из этих хранилищ. Литографированный портрет Марии Стюарт ³, крышка от фарфоровой чашки, нитки, половина ножниц, старая бонбоньерка, закоптелый мундштук – все это хранилось про случай. Марья Ивановна любила все прибирать к месту, спрятать, рассчитывая, что все пригодится; быть может, даже и медаль двенадцатого года. И когда к ней приходили за чем-нибудь, она всегда, смеясь, говорила: «Видишь – и музей пригодился!»

И теперь, на отдыхе, за чашкой кофе, голова ее не переставала работать в хозяйственном направлении. Трудно, ах,

² *Кульмский крест* – прусский орден, учрежденный в память победоносного сражения союзных армий, куда входили и русские войска, с Наполеоном при Кульме в августе 1813 года.

³ *Мария Стюарт* (1542–1587) – шотландская королева, казненная по обвинению в заговоре против английской королевы Елизаветы.

как трудно сводить концы с концами при маленьком пенсионе и при этой дьявольской дороговизне. «Чего только правительство не обуздает мясников и булочников!» Приближался май месяц и предстояли кое-какие экстраординарные расходы, не вошедшие в смету ее скромного бюджета, и ей предстояла задача, пожалуй, более трудная, чем министру финансов, изыскать новые источники дохода или сократить расходы. Последнее, по совести говоря, было бы гораздо легче сделать министру финансов, чем ей, и как она ни ломала свою голову, а приходилось возложить некоторые надежды на ожидаемую прибавку к жалованью сына. Тогда можно сделать у него маленький заем, обновить гардероб подростка-дочери, сделать запас дров и т.п.; погасить же заем придется в конце года из получаемого ею ежегодно пособия из инвалидного капитала. Не век же Мите сидеть на пятидесяти рублях! Давно обещали прибавить!.. Однако могут и не прибавить!.. Конечно, она могла бы обратиться к старшему сыну или замужней дочери, они не отказали бы, но полковница почему-то энергическим движением головы отогнала эту мысль. Они должны и сами догадаться, а она кланяться не намерена. Если они думают, что она когда-нибудь заикнется им о своих затруднениях, то ошибаются... Очень ошибаются!

Пока мысли ее витали в области финансовых вопросов и она успела уже приняться за вторую чашку, как в передней раздался звонок.

– Кто звонил?

– Дмитрий Алексеевич вернулись! – отвечала Ирина, возвращаясь в кухню.

– Дмитрий Алексеевич?

Лицо Марьи Ивановны съежилось в вопросительный знак. Тревога загорелась в глазах. В нетерпении поскорей узнать, почему вернулся Дмитрий Алексеевич, когда ему следовало быть в должности, она хотела было лететь к нему, как в соседней комнате раздались знакомые шаги медленной походки и на пороге появился белокурый молодой человек, невысокого роста, с добродушным, не особенно красивым лицом, поросшим редкой русой бородкой.

II

Несмотря на улыбку, на спокойный, даже развязный вид, с каким молодой человек вошел в комнату, можно было заметить, что он несколько смущен и взволнован. Быстрый, зоркий и встревоженный взгляд матери мгновенно прочел это в глубине больших, мягких, серых глаз сына, глядевших из-под длинных ресниц с каким-то едва уловимым оттенком тревоги, – в розовой краске румянца, еще не отлившего от нежно-бледной кожи лица, в нервном подергивании углов рта, в неестественной развязности движений, совсем не подходившей к общему складу этой скромной, непритязательной, флегматической фигуры молодого человека, стоявшего перед полковницей.

Сердце Марии Ивановны сжалось от недоброго предчувствия при взгляде на сына. Голосом, в котором тревога преобладала над сдерживаемым нетерпением и в то же время смягченным надеждой, она задала сыну вопрос, видневшийся в ее глазах, в нетерпеливом выражении ее лица и всей подавшейся с дивана вперед фигуре:

– Ты что это, Митя, так рано из должности?

Митя попробовал улыбнуться, махнул рукой и медленным голосом проговорил:

– Вы, маменька, заранее не тревожьтесь... Ничего особенного... Я... видите ли... покончил с занятиями...

– Да не тяни душу-то!.. – воскликнула полковница, с шумом отодвигая чашку и кофейник, – как покончил?

– Очень просто. Да вы не волнуйтесь, маменька, – снова повторил он, замечая, как лицо полковницы начинало краснеть...

– Да что же, что же?.. Говори, бога ради!..

– Я оставил сегодня место, правильнее сказать, меня уволили...

– Опять?!

Несколько секунд протекли в безмолвном взгляде, полном гневного остолбенения. В первую минуту этого известия полковница не находила подходящих слов.

«Опять!» – повторила она. И это уж был не возглас, а крик, имевший действие электрического тока, приставленного к заряженной гальванической батарее. «Который это раз... Ах, ты... дурак, дурак!..» Она вспыхнула, словно бочка, начиненная порохом, и – не слушая, как сын несколько раз повторил было: «Да вы не тревожьтесь, маменька», – вскочила с места и, захлебываясь от волнения, то останавливаясь на ходу, то присаживаясь на стулья, разразилась одним из бессвязных, длинных монологов, известных дома под именем «бенефисов» и который, по-видимому, нисколько не удивил Кропотова. Напротив, как только он увидел первый взрыв, выразившийся в потоках упреков, в брани, он как будто вздохнул спокойнее; тревожное выражение в его глазах сменилось обычным флегматическим спокойствием, и

при первых же словах он плотно уселся в кресло, словно заботясь выслушать не предотвратимую теперь ничем сцену с возможно большим удобством.

– Умница... болван, – продолжала между тем полковница, багровая, словно бурак. – «Оставил место»! – передразнивала она медленный голос сына, растягивая ноты своего звонкого голоса, – точно генерал какой, у которого места в запасе, что грибы после дождя... «Уволили»! Еще бы не уволить такое сокровище... Верно, опять с своими дурацкими рассуждениями сунулся. Очень его спрашивали! Нечего сказать: стоит такого блажного слушать! Как же – нужно! Как угодно Дмитрию Алексеевичу? Нравится ли Дмитрию Алексеевичу?.. Который это раз ты места-то бросаешь? Все по себе, вишь, не нашел... Не хочешь ли быть китайским императором? Да и то, пожалуй, нам не по вкусу... Разборчивый... Невозможно... Не подходит... Из деревни тогда прогнали – эка нашел занятие! У нотариуса служил – не нравится; в банке – ушел; зять, спасибо, в таможене предлагал – не хочу... Дали на железной дороге место, кажется, место хорошее, считай себе и молчи, с цифрами нечего мудрить-то... восемь месяцев прослужил, видно, долго очень, и вот тебе на – уволили!.. Только ты меня не уверяй – «уволили», верно, ты опять с своей фанаберией? Недавно еще обещали прибавить жалованье; бухгалтер-то ваш – этот верзила-немец – дяде Андрею говорил, что тобой довольны, и вот-таки порадовал! У человека ни платья, ни белья, сам ляляка какая-то,

а он туда же, места разбирать! У других людей цель в жизни есть, а он... Выродок какой-то! Вот старший брат Федя. Кончил, как следует, ученье, служит, полковник уже... Сестра Наденька... да все люди как люди, а ты-то – балбес балбесом!

Она перевела дух, чтобы снова продолжать тот же монолог. Между тем Дмитрий Алексеевич по-прежнему сидел безмолвно, не пытаясь даже возражать, зная по опыту, что возражать в такие минуты все равно, что лаять на луну; он привык с малолетства к этим бестолковым вспышкам и продолжал слушать всевозможные варианты брани с покорным равнодушием, сменявшимся по временам, когда мать выдумывала уж очень смешные эпитеты, невольной усмешкой. Эта невозмутимость и пойманная ею усмешка привели полковницу в еще большую ярость.

Она подбежала к нему и остановилась, заложив руки назад и подавшись вперед всем корпусом.

– Скажи, пожалуйста, в кого ты такая телятина? Ну, полюбуйся на себя... Полюбуйся-ка на свою фигуру!.. У матери из-за него разрывается сердце – ведь мне что, хоть нищим шляйся по улице, я что могла – сделала, вывела тебя в люди! – а он развалился себе, как свинья, и горя ему мало!.. Нет – это какой-то урод, ей-богу, уродина, а не мужчина... Да ты и на настоящего-то мужчину непохож. Настоящий мужчина сейчас виден: у него самолюбие, гордость; он к чему-нибудь стремится, действует, чего-нибудь желает...

осязательного... карьера, ну, средства... одним словом... А вы... кто вы такой? Ни чина, ни звания, ни места... Как собака – сегодня здесь, завтра там, и ему как с гуся вода... Да ты уж не воображаешь ли о себе? Ах, как умен... Ума твоего и видели... Нечего сказать – умник, большой умник... Поди, в самом деле воображает, что орел! Орлы, сударь, не такие!

Достаточно было взглянуть в эту минуту на Дмитрия Алексеевича, чтобы убедиться, что он не орел и не воображал себя таким, да вряд ли склонен был много воображать о себе. Он теперь уже не слушал с прежним спокойствием и, с увеличением азарта полковницы, взглядывал на нее с некоторым беспокойством, замечая, что лицо ее багровеет все более и более.

– Маменька, да вы не волнуйтесь...

Не волноваться? Легко было сказать это, но когда полковница «задавала бенефис», то доводила его до конца... Еще не вся грозовая туча была разряжена, еще кровь клокотала...

– За тебя-то и замуж ни одна дура не пойдет, – между тем гремела она. – Очень нужно... нищих плодить... да и какой ты можешь быть муж? Ты, верно, думаешь, что эта стрекоза Анна Николаевна тобой интересуется? Как же!.. Жди кулик Петрова дня! Да ты каменный, что ли?.. Ну, что выпучил глаза? Тьфу ты! – плюнула с сердцем полковница. – Чурбан какой-то, а не человек!

И, задыхаясь от волнения, чувствуя, что слова уже исчерпаны, она вдруг выбежала из комнаты, неистово стукнув две-

рю, и скрылась в кухню, к немалому испугу Ирины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.